

ОТЗЫВ

о диссертации Алиева Самира Бахлул оглы «Вторичная художественная условность в романе Л.М.Леонова «Пирамида», представленной к защите на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

Кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета может отметить «белым камушком» сегодняшнюю защиту достойной кандидатской диссертации, посвящённой выдающемуся роману Л.М.Леонова «Пирамида».

Действительно, системное, подробное, теоретически обоснованное исследование вторичной художественной условности, предпринятое и успешно реализованное Самиром Бахлул оглы Алиевым, отвечает специфике леоновской философской прозы. В соответствии с мировым художественным опытом интеллектуальных повествований Л.М.Леонов воссоздает мышление, а не течение жизни, олицетворяет мысль в образе, а не мыслящий образ и в высочайшей степени эстетического совершенства использует правила и язык вторичной художественной условности.

Она порождена особенной связью с философским типом мышления, для которого органично взаимодействие с философией, религией, математикой и другими сферами знаний, где абстрактные формы думания о мире и месте человека в нём преобладают над конкретными, зависящими от органов чувств, от контактного общения с реальностью, от непосредственного опыта соприкосновения со средой обитания. Произведения искусства философичны по определению, но иные из них концентрируются на изображении невидимой, непознаваемой метафизической, онтологической реальности – умопостигаемой, ускользающей, таинственно мерцающей в человеческом сознании. Её изображение поддается только усложнённым формам языка искусства – или

искусства языка.

Очевидна обращённость современного массового искусства к изображению невидимой реальности способами фэнтези. Возможно, эта тенденция обусловила превалирующее внимание Самира Алиева именно к фэнтезийным чертам фантастических линий в «Пирамиде». В этом выборе он следовал за научной гипотезой Е.Н.Ковтун. По моим представлениям, более логично начать с их философской природы, перейти к научности и завершить фэнтезийностью, хотя бы потому, что это понятие пришло следом за предыдущими, напоследок.

Ясно, что различие фэнтезийности - научности - философичности в формах вторичной условности оказалось удобным для конкретных текстовых наблюдений, хотя в ткани романа они взаимодействуют, синтезируются в то качество художественного мышления, которое ещё не осознано, не осмыслено и потому не названо. Отдельное и подробное рассмотрение фэнтезийных примет в фантастических картинах «Пирамиды» уже дало исследовательски ценный результат, но я надеюсь и на практическую пользу, а именно - расширение читательской аудитории, более широкого читательского интереса к роману. Хотелось бы помечтать даже о фильме-фэнтези, его образность и стиль будто подсказаны словом Л.М.Леонова «Наваждение».

В каждой из трёх аналитических линий - фэнтезийной условности, научной фантастики и философской условности - Самир Алиев последовательно проявляет те «сгущённые» смыслы всечеловеческой культуры, знаний, истории, над которыми Л.М.Леонов размышляет, сводя их к идее конца света, заката культуры, неминуемого распада природы человека по причине несовершенства его сознания, слабости духа.

Философская концепция Л.М.Леонова катастрофического окончания всечеловеческой истории, цивилизации остаётся камнем преткновения для всех леоноведов - отечественных и зарубежных - и всё ещё не поддаётся адекватной интерпретации. Опыт Самира Алиева - ещё один плодотворный

шаг в этом направленном движении, но и в нём обнаруживаются причины для остановок в пути. Назову две существенные из них.

Во-первых, для продуктивных итоговых мыслей пока не хватает контекста гуманитарного знания – по горизонтали и религиозного – по вертикали. Так, совершенно необходимо применить для анализа вторичной условности в прозе Л.М.Леонова философско-эстетический концепт «закатности» – знакового свойства человеческой цивилизации. Безусловно, Леонид Максимович сопрягал свою мысль с О.Шпенглером, с его книгой «Закат Европы», созданной именно в 1914 году, что выглядит сегодня не случайным, – в год начала Первой мировой войны. Можно допустить и неслучайность защиты диссертации Самира Алиева по леоновской «Пирамиде» – в год столетия начала мировой катастрофы, означившей точку перехода в другую мировую историю, в другой тип цивилизационного развития (или инволюции, энтропии).

Шпенглеровская идея закатности культуры повлияла на художественное сознание XX века и стала одной из главных для создателей философских повествований в литературах Европы, Америки, России, других славянских стран (Украины, например). Украинская исследовательница Анна Аркадьевна Степанова опубликовала фундаментальную монографию «Рефлексии фаустовской культуры в литературном процессе Европы и США 1920-1930 годов: Эстетика, поэтология, типология», Киев, 2014, об этом явлении.

На обширном литературном материале она доказывает, опираясь на шпенглеровскую философию, что культурная модель главенства жизни над истиной, идея вечного возвращения к началу, истокам в новое время обрела черты не восхождения к сияющим вершинам, а – нисхождения в хтонические глубины Праматери, вырождение до низов примитивной природы. У Самира Алиева в недосказанных суждениях, в неразвёрнутых линиях проставлены знаковые имена: названы О.Шпенглер, И.В.Гёте, Фауст, Г.Гессе... Использование в дальнейшей разработке своей научной темы понятия

«закатности» по О. Шпенглеру позволит ему увидеть леоновский роман в широком контексте общемировой литературы, достигшей в XX веке иного синтеза художественного и философского.

Во-вторых, важно разобраться, как определил Самир Алиев религиозную основу или подоснову вторичной условности? Без неё осмыслить специфику, формы воплощения, смысловую роль вторичной условности – невозможно. Конечно же, исследователь имеет её в виду, учитывает, характеризует и неоднократно в тексте и ссылках напоминает о прямом леоновском высказывании по этому поводу: «Надо искать философский, религиозный ключ, переводить происходящее в высший регистр...». (Из бесед Л.М.Леонова с Н.А.Грозновой). Публикация Т.М.Вахитовой // Роман Л. Леонова «Пирамида». Проблема мирооправдания. СПб.: Наука, 2004. С. 16).

Однако всматривается Самир Алиев в эту проблему не очень пристально, высказывается не основательно и подчас размашисто. Например: «Представленная в романе «Пирамида» картина мира – пестрое полотно *разнородных* философских и религиозных учений ... сплав мистики, магии, знания и веры»; «в существовании зла автор не сомневается. Он не уверен лишь в бытии «противоположного лагеря»; « Добро, представителем коего в романе является Дымков, по мнению писателя либо вовсе изжило себя, либо преступно бездействует»; «Поэтому мы делаем вывод о том, что *христианская символика – лишь фон*, придающий созданной Леоновым картине мира традиционный колорит, культурный и исторический». Наконец: «Наполненный пессимизмом, *издевками над религиями* роман» (Выделено мной.- А.Г.).

Ошибочность, неуместность подобных суждений очевидна, из причин заблуждений Самира Алиева на этот счёт можно составить перечислительный ряд, в котором нужно обязательно назвать нечёткое различие повествующих голосов, говорящих героев (кто, когда, почему, о чём говорит) и главное – нелегко в мерцающей эстетике философского

романа точно отделить биографического автора от автора-повествователя – от его двойников - от его масок: иронической, сатирической, клоунской, юродской или даже автопортретной. Каждый из них высказывается по-своему, и, кажется, автор провоцирует путаницу в читательской и исследовательской голове. Такая игровая, артистическая манера в поведении автора – наследие культуры Серебряного века и литературы 20-х годов.

Чтобы обрести устойчивый ориентир, нужно исходить из высокого религиозного смысла названия романа, которое отсылает не только к египетской пирамиде или строящейся в романе. В названии романа заключена религиозная символика Пирамиды Света, описанной и разъяснённой Н.Кузанским. Это абстрактная, умопостигаемая модель, проявляющая Божественное мироустройство: в нём прямая земная пирамида и пирамида небесная – опрокинутая – входят друг в друга, будучи нераздельными и неслиянными. Видимая и невидимая реальность метафизически соединены, их связь нерушима.

Опираясь на это знание, мы можем понять, что пять земных апокалипсисов, земное гноище, горстка пепла, оставшаяся от обители священника Лоскутова, описаны Леоновым как бытие Пирамиды Света, и она не художественный образ из системы вторичной философской условности, а отражение высшей онтологической реальности, с которой связана вера писателя Л.М.Леонова в оправдание мира и человеческого существования в нём.

Приведённые в отзыве оппонентские размышления об аналитических недочётах не могут помешать сделать положительный вывод о завершённом, самостоятельном, плодотворном, теоретически насыщенном, перспективном, обогащающем современное леоноведение диссертационном сочинении Алиева Самира Бахлул оглы. Надеюсь, что они лишь помогут ему в дальнейших исследованиях выбранной им сложной теоретической проблемы и труднопостигаемого русского философского романа.

